

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

1-й ГОД ИЗДАНИЯ.

СТУДЕНТ- РАБОЧИЙ

ОРГАН РАБОЧЕГО ФАКУЛЬТЕТА
Уральского Государственного Университета.

№ 3.

15 марта 1921 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КАТЕРИНБУРГ-1921

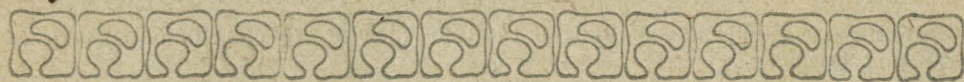

Содержание.

	Стр.		Стр.
К годовщине Рабфака Уралунивер- ситета	3	Студент-Рабочий	18
Значение рабочих факультетов	4	Год работы (из воспоминаний)	16
Роль и значение рабочего факультета в профессионально-техническом образовании	6	Воспоминание о первомайском субботнике	18
Из недавнего прошлого Рабфаков	9	Годовая работа ячейки Р. К. С. М.	18
Год работы	10	Страничка спорби. Памяти тов. Тарасова	20
Год организационной работы студенчества Рабфака	12	Жар-Птица	21
Наш долг	14	Песня Жар-птицы	22
К годовщине 15-го марта 1921 г.	15	Шахтеры или (старое и новое)	25

К годовщине Рабфака Уралуниверситета.

Наука является самым мощным оружием пролетариата в дело борьбы за всемирную власть трудящихся. Это великолепно сознавала царская власть и сознательно держала в темноте трудовой народ, сознательно дурманила его мозг, чтобы он не мог понять как ему достигнуть лучшей жизни. Но уже и тогда многие и многие рабочие и крестьяне жадно тянулись к науке, к знанию — они сознавали, что наука их верный союзник, что наука ведет к избавлению от ненавистного гнета самодержавия. И когда рабочий класс России сбросил в октябре 1917 г. последние остатки буржуазно-помещичьего строя, то он твердо понимал, что важнейшей его задачей для укрепления власти трудящихся является самая широкая постановка дела народного образования. Двери к знанию были широко открыты для пролетариата, — открывались новые и новые школы, университеты, техникумы. Длительная гражданская война с наймитами мирового капитала, блокада и экономическая разруха не позволили достаточно широко осуществить задуманное дело. Приходилось отстаивать само существование Советской Республики и лучшие силы рабочих и крестьян бились на многочисленных фронтах. Но железная воля рабочего класса и его непреклонная вера в конечную победу дали возможность успешно вести борьбу не только на военных фронтах, но и наносить темноте и невежеству удар за ударом внутри страны. Широко велась упорная борьба с безграмотностью, открывались новые высшие учебные заведения, осуществлялась возможность рабочему и крестьянину попасть в высшую школу, чему уделялось особенно серьезное внимание, так как для восстановления разрушенного хозяйства требовались специалисты, не только знающие и умеющие бороться с разрухой, но и твердо желающие ее во что бы то ни стало побороть. Мы бедны первыми и очень, очень мало имеем вторых, а между тем высшая школа до сего времени не давала вторых, так как пролетарии и крестьяне не могли еще попасть в высшую школу, вследствие своей мало-подготовленности и таковая была перенесена буржуазными сыновьями, враждебными по своей идеологии власти трудящихся. И вот организуется рабочий факультет, где рабочие и крестьяне получают в кратчайший срок необходимую подготовку для высшей школы, куда они вносят трудовой, пролетарский дух и тем самым постепенно превращают высшую школу в могучее оружие трудящихся масс.

Минув ровно год, как открылся рабочий факультет на Урале, год упорной, творческой работы, и мы видим, как день за днем, стойко преодолевая различные препятствия, трудятся студенты, мы видим как растет их сознательность и развитие, мы видим как крепнет и ширится культурно-просветительная работа, мы видим как многие преподаватели все ближе и ближе подходят к студенческим массам, все ближе и ближе приближаются к их пролетарской идеологии. Нет необходимости перечислять отдельные достижения упорной, организационной работы ответственных руководителей рабфака, — результат их творческой работы на лицо, — это сильный, сплоченный рабочий

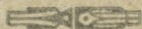
факультет, неуклонно-развивающийся и стремящийся всеми силами оправдать доверие пролетарской России.

Студенческая масса рабфака шлет свое пролетарское спасибо товарищам руководителям и преподавателям рабфака и несет твердую уверенность, что товарищеская связь с ними будет крепнуть день ото дня и усиливать дружную, совместную работу.

Рабочий факультет крепнет, растет и ширится благодаря товарищеской поддержке пролетарских организаций Урала и эта поддержка встречает самую горячую благодарность студентов и побуждает их все с большей и большей энергией относиться к своим занятиям.

Прошел год,—окреп и вырос рабочий факультет, твердо идут студенты к намеченной цели и с верой взирают на будущее, когда седой Урал, стараниями пролетарской власти, покроется сетью рабфаков, малыми братьями екатеринбургского, который протянет им братскую руку и бодрым, быстрым шагом, нога в ногу, пойдет вместе в высшую школу.

И не за горами то время, когда рабочий и крестьянин Урала вернется на фабрики поля и заводы, вернется инженером, врачом, агрономом, и с изумлением зажмут свои хмурые очи седые вершины Урала, когда внизу в деревнях, на заводах, в городах засияет новое солнце, засверкают тысячи, сотни тысяч и миллионы электрических огней, и вздрогнут седые вершины Урала, когда их чуткий слух наполнит гул, шум и грохот многих и многих заводов, мирно спавших и ожидавших когда же наконец придет к ним сказочный богатырь и вдохнет живой дух в их сонное тело. И закипит, забурлит повсюду новая, светлая жизнь, полная бодрости и счастья свободного труда, исчезнет нужда, холод и голод, силен и могуч будет человек—наукой, трудом и свободой.

Значение рабочих факультетов.

Овладеть знанием, культурой—вот что необходимей всего для пролетариата, борющегося за социализм. Это верно для всякой страны, сугубо верно для такой отсталой в культурном отношении страны, как Россия. Вожди русского рабочего класса понимают это с достаточной отчетливостью, о чем свидетельствует ряд последних декретов и постановлений. Но, в условиях борьбы с внешним врагом, с внутренними контрреволюционерами, с холодом, темнотою и голодом, приходилось отодвинуть на второй план просветительную деятельность. И это не вина власти, как многим кажется, а беда ее: как ни важно знание, как ни важно, завоевание культуры, надо поступиться—в известных пределах конечно,—этими задачами для того, чтобы защитить себя, набраться и обогреть миллионы людей, поддержать и организовать власть рабочих. И несмотря на это, культурная и созидательная деятельность пролетариата за эти три года сказалась в целом ряде фактов. И в области дошкольной, внешкольной и школьной внесено новое, созданы учреждения, о которых старая Россия не могла и мечтать. В числе этих новых учреждений, имеющих огромную ценность, надо отметить на одном из первых мест—рабочие факультеты.

Значение рабочего факультета огромно.

Проще всего, учреждением рабочего факультета пробить громадную брешь в той, казалась бы, неразрушимой, поистине „китайской стене“, которая загромождала рабочему выход к науке, к знанию, к университету. Много талантливых, много сильных работников пропало, для науки, так как и способность и силы не находили для себя применения, не имея возможности развиваться. Рабочий пробил себе дорогу к высшему знанию. „Храм науки“—не только для привелегированных, отныне он—для всех сильных духом.

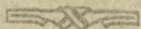
Нечего и говорить о том политическом и психологическом значении, которое имеют рабочие факультеты. Государство рабочих получит офицеров на трудовом фронте из числа самих же рабочих, и зависимость пролетариата от людей, ему чуждых, исчезнет. Важно и то сознание, которое отныне должно быть у каждого рабочего, чувствующего в себе силы для умственной работы, сознание, что он, если захочет, может добиться тех же результатов, которые достигала в свое время только незначительная часть населения.

Если значение рабочего факультета велико для рабочего класса и пролетарского государства в целом, то не меньше его значение для высшей школы, как таковой. Большинство высших школ в России было школой для привелегированных, для некоторого аристократического меньшинства. Из „народа“, понимая под этим словом не только пролетариат, но и самые широкие круги крестьянства, в университет и специальную техническую школу попадали немногие счастливицы. Естественно поэтому, что и студенты и профессора, при всех своих хороших намерениях были далеки от трудовых слоев населения. Так постепенно создавалась школа, аристократическая по составу, казавшая по своему духу. Рабочая власть прежде всего начала борьбу с этой привелегированностью и кастовостью. В этой борьбе оно призвало к себе на помощь студентов. Студенчество, поскольку его привлекала возможность расширить свои корпоративные права, охотно пошло навстречу, но, конечно, оно в целом не было новым, оно было все же подобрано по старым меркам и трудового элемента в нем было немного. Естественно поэтому, что государственные задачи пролетарского государства не могли быть им, так же, как и значительной частью профессуры, поняти и разделены. Стало ясным, очевидным, что надо изменить самое студенчество, надо его оодоровить внесением туда поистине „народных“ элементов. На первом месте должны были быть рабочие, как более гибкий, чуткий элемент. Несомненно за ними были должны последовать и крестьяне, по мере выделения на их среды кадров, достаточно подготовленных для высшей школы.

Изменение самого состава студенчества, оработление его—это важнейший результат учреждения рабочего факультета при высшей школе. Отсюда произтечет целый ряд весьма важных следствий. Общий дух высшей школы станет иным, иначе пойдет работа, так как студенты пролетарии принесут с собой много накопленной, то еще не израсходованной энергии, много любви к знанию и жажды к науке. Психология студенчества станет иной—более социалистической, чем она есть теперь. Принимая участие в управлении высшей школой, в учебной работе и ученых работах, студенты пролетарии войдут во все ячейки школы,—в факультеты, советы, различные комиссии и пр. внося везде и трудовую выдержку, и трудовую воспитанность, и трудовую дисциплину, которой так мало среди нашей интеллигенции. не даром так склонной к анархическому индивидуализму, который сплоск и рядом близок к истинно-русскому самодурству.

Высшая школа должна радостно и любовно принять новых студентов, — наконец то весь народ получает доступ к той науке, которая была уделом немногих. Громадные запасы человеческой технической силы могут быть использованы на дальнейшую работу за счастья человека и человечества. Идут революции глубоко взрывают в целиву народной жизни. Новые и новые пласты драгоценнейшей почвы взрывает он своим мощным движением. Надо пользоваться этим моментом и сеять, сеять без устали. Момент жатвы уже недалек. Рабочие факультеты — детище революции — через два, три года увидят своих питомцев на ниве народной. День жатвы для рабочих факультетов уже близок!

Профессор А. Пинкевич.

Роль и значение рабочего факультета в профессионально-техническом образовании.

С тех пор как буржуазия перестала быть покровительницей современной культуры роль эту взял на себя рабочий класс — писал Вальгельм Либнехт в октябре 1887 г. в предисловии к своей брошюре — „Знание — сила, сила — знание“. Идеал, который умер вместе с буржуазией, живет в рабочем классе; стремление к знанию — явление обычное среди рабочих масс нашего времени, — в этом мог убедиться всякий, кому хоть немного приходилось работать при Советской власти в области народного образования. Но овладеть сразу всей полнотой технических знаний в наших высших учебных заведениях рабочий класс не в состоянии даже теперь, когда перед ним Октябрьская Революция широко распахнула двери решительно всех высших и средних учебных заведений, не говоря уже о низших. И на это есть свои исторические причины, лежащие вне воли и желаний пролетариата. Буржуазия и самодержавие во все время своего продолжительного господства считали тягчайшим преступлением просвещение рабочих и прилагали все усилия к тому, чтобы парализовать их стремления к науке и знанию в самом начале, дабы не открылись у них глаза на действительность и не дать в их руки сильного оружия.

Народ не должен знать ничего, в противном случае им нельзя будет дальше управлять — так рассуждали и действовали идеологи буржуазии, пока гром не грянул и налетевший революционный шквал не отбросил их далеко в сторону от большой дороги истории. И пролетариат, покончив в вооруженной борьбе со своим классовым врагом, должен начинать теперь свое образование чуть ли не с буквы и азбуки, поневоле терпя еще некоторое время в высших учебных заведениях пришельцев из буржуазного и либерального лагеря.

Доставшаяся пролетариату в наследство от буржуазии высшая научная школа сама страдала смертным грехом бессистемности и несогласованности, свойственными ее богатому, расточительному патрону, и должна будет вылечиться от этих старческих немощей буржуазии и пережить детские болезни пролетарского роста. Основная ложь ее заключается в претензии давать „строго научное“ образование, несмотря на то, что чуть не все 100% обманывающих эту школу шли в практическую, а не чисто научную деятельность.

В среде „ученых“ этой высшей школы и теперь еще немало таких, которые „пишут историю“ современного нам общества для того, чтобы возвеличить „капитализм, регулируемый демократией“ над системой коллективизма, проводимого в жизнь Советской властью, и „крадут у большого орла напоротниковых лесов одну из его голов, чтобы доказать, что монархический герб самой природой предназначен для мирового господства“.

В виду всего этого на пролетариат в России по отношению к нашей высшей научно-технической школе ложатся чрезвычайно тяжелые задачи и величайшая ответственность перед будущим молодых поколений. Русскому рабочему надлежит направить все свои силы и все внимание не только на скорейшее завоевание, но и соответствующую постановку нашей высшей школы; теперь же не откладывая в долгий ящик, направить максимум усилий к тому, чтобы освободиться раз навсегда, из под опеки буржуазных ученых и их науки, встать на собственные ноги и овладеть подлинной наукой и техникой. Не в кулаке а мозгах заключается та сила, которая должна победить весь мир. Кулак без мозга может только слепо разрушать, и там, где нужен кулак, мозг должен управлять им.

Рабочие факультеты при высших учебных заведениях являются тем местом, где должна прежде всего развернуться борьба за овладение пролетариатом наукой и высшей школой, где будет заложен фундамент для новой школы, объективной науки и прогрессивной передовой техники и сюда должны направить свои устремления лучшие молодые силы пролетариата. Для этого рабочий факультет необходимо приблизить к массе рабочего класса, сделать его родным для нее и дорогим, дать возможность массового просеивания через него пролетарского юношества и широкого отбора талантливых и способнейших индивидуумов.

Рабочий факультет должен извлекать для себя лучших преподавателей из числа профессоров высшей школы и научиться создавать своих высоко-квалифицированных специалистов на известном ему наиболее талантливых лекторов-преподавателей, давая им от себя научные командировки в столичные и заграничные университеты для совершенствования и укрепления своих научных и специальных познаний. Он должен уметь отличать и поощрять наиболее даровитых и старательных из них, воспитывать их преданными делу пролетариата, горячими сторонниками коммунистического строительства. Только при этих условиях в рабочем факультете будет постепенно создаваться свой собственный коллективный центр научной работы и мысли, без которого немислимо овладение для рабочего класса наукой и техникой.

Рабочий факультет не должен ограничивать свои задачи подготовкой кадра рабочих в качестве кандидатов для той или иной высшей школы. Это было бы непростительным суждением своего революционного назначения и отказом от более высоких и сложных задач. Он всеми силами должен стремиться в тому, чтобы как можно глубже, вросли в данное высшее учебное заведение, имел своей конечной целью полный захват его не только со стороны, количественного завладения им, но и качественного подчинения всей его работы своему влиянию. А поэтому место ему должно быть отведено не на задворках университета, как это часто бывает теперь, а на его фасаде или в центре университетского здания. Это же в свою очередь может иметь место только тогда, когда рабочий факультет станет самодовольнейшей величиной и перестанет быть лишь подготовительными классами для университета. Для того, чтобы рабочий факультет приобрел свою собственную, вполне определенную физиономию, необходимо

перестроить всю его программу и пересмотреть практикующиеся методы преподавания. Он должен строиться исключительно как профессионально-техническое учебное заведение со строгим разграничением основных специальностей и отнюдь не должен больше оставаться простой общеобразовательной школой, имеющей только политическое и культуртрегерское значение. Политехнизм преподавания вообще нам не по карману пока еще, а особенно расточительством: он был бы по отношению к рабочим, уже имеющим тот или иной практический стаж, по развертке союзов, заполняющим рабфаки.

Рабочий факультет ни в коем случае не должен игнорировать житейский опыт и практические знания рабочего-студента, которые принесены им в готовом виде уже из жизни, а скорее наоборот—он должен помочь ему собрать воедино его разрозненный опыт, осветить и цементировать теорией его практические знания, систематизировать и классифицировать их в определенную систему, а затем положить в основу окончательной формировки специалиста-работника, которого должен выпустить рабочий факультет.

Пролетариат должен овладеть не только наукой, но и техникой, овладев последней, он скорее завоеует науку и укрепит навсегда в мире господство трудящихся масс. Поэтому рабочий факультет должен стать специальной профессионально-технической школой, и с точки зрения экономии сил, и с точки зрения кратчайшего пути к закреплению завоеваний рабочей революции. Сообразно тому назначению должна быть построена и программа рабочего факультета и установлены методы преподавания на нем всех предметов его курсов.

Подобная реформа рабочего факультета, конечно, немисляма без соответствующего видоизменения в отношении порядка и способов поступления и приема студентов на рабочий факультет. До сих пор обыкновенно практиковалась чисто механическая развертка кандидатских мест между производственными союзами, которые в большинстве случаев посылали туда учиться далеко не лучших, наиболее достойных и способных, а сплошь и рядом тех из членов, без которых легче можно обойтись: никакой специальной оценке с точки зрения научно-учебной кандидатуры в рабфак обычно не подвергалась и ни какого фильтра на месте им не делалось. Поэтому подбор студентов рабочего факультета в общем и целом был более или менее случайный.

При новой лучшей постановке дела этого ни в коем случае не должно быть более. В рабочий факультет производственными союзами должны будут направляться только такие товарищи, которые зарекомендуют себя перед рабочей массой и правлениями союзов не только добросовестными и старательными работниками, но и талантливыми, вполне развитыми людьми. Для этой цели необходимо будет предварительно пропускать их через краткосрочные курсы и вечерние техникумы при фабриках и заводах, а также учитывать их организаторский опыт. При этом ни на минуту не следует забывать, что в будущем им предстоит проводить реформу нашей высшей школы, и осуществлять грандиозные общественные работы, вроде электрофикации, в качестве руководителей, от чего в свою очередь зависит в значительной мере конечный успех всей социалистической революции.

Такой грандиозный проект технической революции, как электрофикация, возможно будет провести в жизнь только при условии, если пролетариат сумеет и сможет выделить из своей среды и должным образом обучить и воспитать достаточный кадр хороших работников-специалистов. Подобных работников потребуется огромное количество

не столько по техническому осуществлению самой электрификации, сколько по целесообразности ее использованию, устройству народного хозяйства, общественной и частной жизни и т. д.

К этому же времени профессионально-техническое образование во всех его видах и формах должно будет приготовить и самые широкие слои пролетариата и крестьянства к восприятию всех возможных выгод и преимуществ, связанных с электрификацией. В данном случае рабочему факультету также суждено будет сыграть весьма важную роль в качестве идейно и технически организующего и воспитывающего центра.

Таким образом действительная роль и значение рабочего факультета в профессионально-техническом образовании неизмеримо меньше в настоящее время, чем это возможно было бы быть на самом деле.

Ф. Чучин.

Из недавнего прошлого Рабфаков.

Привет первому русскому рабочему факультету.

В рабочий факультет имени Карла Маркса. Молодые товарищи! К Вам обращается со словами горячего приветия человек, который уже перевалил во вторую половину своего восьмого десятка. Никогда быть может не сознавал я так ясно тягость этих лет, еще связанных болезнью, как в эту минуту, когда вынужден отказаться от прямого участия в сегодняшнем собрании и ограничиться краткими словами приветия. Старость и болезнь не позволяют мне явиться самому, но я не желал бы, чтобы мое отсутствие могло быть принято за равнодушие к открытию первого свободного рабочего факультета в России, бывшего моей мечтой в течении долгих лет. Наука и демократия—тесный союз знания и труда—десятки лет был моим любимым призывным кличем, и в сегодняшнем вашем собрании я вижу начало осуществления одного из важнейших проявлений его в жизни. Рабочий станет действительной, разумной творческой силой, когда его завоеванию станут доступны главнейшие завоевания науки, а наука получит прочную, верную опору, когда ее судьба будет в руках самих просвещенных народов, а не царей и пресмыкающихся перед ними холопов, хотя бы они величали себя министрами просвещения, академиками, профессорами.

Но путь приобретения научных знаний для человека труда—тяжелый путь, говорю это на основании целой жизни тяжелого опыта. С пятнадцатилетнего возраста моя левая рука не израсходовала ни одного гроша, которого не заработала бы правая; зарабатывание средств существованию, как всегда бывает при таких условиях, стояло на первом плане, а занятие наукой было делом страсти, в часы досуга, свободные от забот, вызванных нуждой. Зато я мог утешать себя мыслью, что делаю это на собственный страх, а не сижу на горбу наемных труженников, как дети помещиков и купеческие сынки. Только со временем сама наука, взятая мною с бою, стала для меня источником удовлетворения не только умственных, но и материальных потребностей жизни—сначала своих, а потом и семьи. Но тогда я уже имел нравственное право сознавать, что мой научный труд представлял собой общественную ценность, по крайней мере, такую же, как и тот, вторым я зарабатывал свое пропитание раньше.

Повторю, трудящийся, уделяющий часть своего времени на приобретение знаний несет вдвойне тяжелое бремя, заслуживает двойного уважения, имеет право на двойную поддержку тех, кто понимает это тяжелое положение. Зато имена этих героев науки, вышедших из народа (Франклин, Фарадей, Пастер) стали достоянием истории, а имена барчуков и купеческих сынков редко достигали этой цели. Трудящийся имеет право, чтобы ему в этом деле оказывали всякую помощь, а в этом и заключается цель открываемого факультета. Не забудем, что первый великий русский ученый был труженик земли и, как итог тяжелой трудовой жизни, оставил нам завет: «Науки юношей питают, отраду старцам подают». Да, старик на восьмом десятке может вас уверить, что наука является самой лучшей, прочной, самой светлой опорой в жизни, каковы бы ни были ее превратности.

Это чистая, всеобщая наука не должна, не может, не смеет быть исключительным достоянием, монополией, не говорю «избранных», а наоборот, отверженных, призрачных интриганов, проходимцев, столь же чуждых задачам демократии, как и самой науки. Приветствую первый рабочий факультет, желаю, чтобы те, кто соединяется под этим именем и под защитой равного для всех красного знамени труда, явились сюда только в поисках необходимого для их труда знания, отбросив в сторону всякие формальности, дипломы и связанные с ними китайские экзамены, чины и отличия, однако равноюющие и достоинство науки и достоинство демократии. «Красное Знамя» — я умышленно привожу и эти два слова, потому что знаю, что мне мои коллеги из буржуазного лагеря не могут простить, что я стал под это знамя, как раз в те дни, когда темные силы всего мира набросились на него в надежде еще раз потопить его в крови. Красное знамя — это символ грядущей победы труда и знания над их врагами. Но что даст нам эта победа? «Мир, хлеб, и свободу?» Да, и еще нечто менее заметное, но не менее важное. Мир, как единственное средство вернуться от дела истребления к производительному труду. Хлеб, т. е. борьба с открытым врагом, обрекшим нас на голодную смерть и еще худшими, тайными вносящими заразу и спекуляцию на рядов эксплуататоров даже в ряды самих эксплуатируемых; свобода — разумеется без нее не мыслимо ничто остальное но нужно еще нечто уже завоеванное, но едва ли достаточно использованное в надлежащем направлении. Это досуг — это восьмичасовой трудовой день, за которым последует конечно еще более короткий. Свободная демократия, завоевавшая этот досуг, станет просвещенной демократией, когда найдет для него лучшее назначение в приобретении силы знания, в приобщении к науке. Что она этого захочет, что она это сможет — залогом тому служит сегодняшнее собрание.

Да здравствует же объединенная своим Красным Знаменем, могучая своим трудом, сильная светом знания, просвещенная всемирная демократия!

А. Тимирязев.

Год работы.

Подводя итоги годичного существования нашего факультета, мы можем твердо сказать, что рабфак один из смелых опытов строительства социалистической республики, не фантазия, не авантюра, как многим казалось в прошлом году, а вполне реальное глубокое жизненное предприятие. В течение только одного года, рабфак, мес-

смотря на совершенно невероятные материальные условия, в которых он находился, сумел наладить учебную жизнь, завоевать определенное положение в ряду прочих факультетов университета и приобрести справедливую репутацию наиболее организованного учебного заведения на Урале. Рабфак—идея рабочих, и только особенностями его социальной среды можно объяснить дружную работу преподавателей и студентов и тот успех, который был достигнут в такой сравнительно небольшой срок.

Успех этот отчетливо подчеркивается недавно завершенным переводом студентов осеннего приема прошлого года на следующую ступень—проверкой проделанной за год работы. Результаты перевода таковы: из 9 ти групп I-ой ступени в составе 92 человек переведено на II-ую ступень—88, 2-ое оставлены на повторительный курс и 2-ое исключены. Из 4 х групп II-ой ступени, в составе 83 человек переведено 70, девять оставлены на повторительный курс и 4 исключены. Оставлены на повторительный курс только те из студентов, неуспешность занятий которых нашла достаточно основательное объяснение: партийные командировки, болезнь и организационная работа по рабочему факультету. Если сравнить эти данные с числом принятых в свое время на факультет студентов, то окажется, что выбыло из строя всего около 20%—процент небольшой имея ввиду практиковавшиеся весной прошлого года условия приема, благодаря которым на факультет проскользнули лица, далеко не соответствующие его назначению; эти последние и были главным образом удалены по тем или другим причинам из рабфака. Из осеннего приема к первому марта с. г. было откомандировано 28 человек (менее одного процента).

При этом необходимо отметить, что при переводе выяснилось не только приобретение студентами известного объема формальных знаний, необходимых для прохождения курса следующей ступени, но и заметный сдвиг в сторону общего развития, повышения культурных потребностей. Мало того, среди рабфаковцев выявились определенно талантливые люди, которые без рабфака остались бы в тени. Факультет—широкая дорога на ниве творчества и возрождения страны.

Всего к первому марта числится на рабфаке 610 студентов, они распределяются по ступеням следующим образом: на I-ой—307, на II-ой—189 и на III-ей—114 человек, к этому числу следует прибавить 150 человек нового приема 1—15 марта, итого 760 человек.

Что касается преподавательского состава, то рабфак следует считать вполне обеспеченным высоко-квалифицированным штатом работников просвещения. Основная учебная работа сосредоточивается в предметных комиссиях, вокруг которых и объединяются преподаватели соответствующих специальностей. Всего на рабфаке 62 преподавателя, в том числе математиков—16, естественников—13, словесников—17, историков и общественников—10, географов—3 и преподавателей иностранных языков—3.

При рабфаке функционируют библиотека, кабинет естественных и математических наук и читальный зал. Кроме того, в последнее время был организован ряд научных кружков, в которых ведется более углубленная работа по разным научным дисциплинам.

Рабфак спокойно и уверенно приближается к своей цели—завоеванию и организационному переустройству высшей школы: если осенью прошлого года первый выпуск студентов рабфаковцев был произведен в числе 50 чел., то в настоящем году выпуск будет свыше 100 человек, а к весне следующего 1922 г. предполагается выпустить не менее 200 рабфаковцев.

Год организационной работы студенчества Рабфака.

15 марта 1921 года исполнится год со дня основания Рабочего факультета. Первый год трудной тяжелой работы прошел не даром, плоды работы на лицо. Но прежде чем говорить, об них, следует упомянуть о тех условиях, как и обще-политических, так и местных, среди которых зародился и рос Рабочий факультет Урала. В этот период происходила ликвидация Восточного фронта и в связи с этим расформирование 3-ей армии. К внутренней работе страны обратились опять лучшие силы республики. В первую очередь стал вопрос о создании кадра красных рабочих командиров для фронта труда. Появилась необходимость в создании новой рабочей школы для подготовки в техникумы красных командиров. По приказу т. Троцкого 3-ья армия дает нам 100 красноармейцев, которые и служат основным ядром Рабфака. Новые студенты энергично принялись за работу, но встретили целый ряд препятствий со стороны некоторых общественных организаций. На первом организационном собрании открылась картина всех мытарств работников по созданию Уральского Рабочего факультета. Из доклада тов. Шохата выяснилось, что Рабфак, помимо 100 слушателей красноармейцев и постановления об организации Рабфака ничего не имеет. Начинаются поиски помещения и различных других технических приспособлений. Но все это не дает желательных результатов. Неудача не подрывает энергии студентов-рабочих. Наоборот, сопротивление вызывает еще большую настойчивость. Будучи еще не организованными в общей массе рабфаковцы, стихийно, без определенного руководства с чьей бы ни было стороны, но, как и всегда, более активный элемент, в лице членов Р. К. П., берет на себя руководство всей дальнейшей работой по организации Рабфака.

Всеми правдами и неправдами они стараются добыть и помещение, и парты, и другие необходимые принадлежности.

Наконец дается здание старого епархиального училища в самом неприглядном виде. Лишь только очищается одна из комнат, как сейчас же отводится она под занятия группы. Сплочение факультета таким образом усиливается. Начинают созываться регулярные сходки. И тут же возникает сближение с Горным Институтом. Близких товарищеских отношений быть не могло, — слишком велико было расстояние между идеологией пролетарского и буржуазно-мещанского студенчества. Можно отметить целый ряд небольших, но в высшей степени характерных столкновений. Появление рабфаковцев на обще-студенческих собраниях вызывают удивление со стороны академистов. Слышится целый ряд восклицаний, вроде «камы», «ничего не понимающие» и тому подобное. Это однако не смущает молодых пролетариев. Они прекрасно сознают насколько важна будет роль их в будущем и настойчиво продолжают начатое дело. На всяком собрании слышится голос пролетарского студенчества. Не то с ненавистью, не то со страхом прислушивается прежнее, со старыми традициями, студенчество к этому молодому, сильно звучащему голосу. И уже чувствуется определенное давление со стороны Рабфака на управление У. Г. И.

К этому времени начинается чистка горного института от белогвардейских элементов, которые вернулись из колчаковской армии, и успели уже присосаться к институту. Студенты УГИ замолчали. В студфракцию внесены целый ряд протестов со

сторони беспартийных академистов. Создается неопределенное положение, ввиду половичатого состава студфракции (1/2 коммунистов, 1/2 беспартийных). Необходим решающий голос и таким решающим голосом является студенчество Рабфака. Созванная рабочим факультетом сходка выдвинула представителей от себя в совет, которые сейчас же туда и отправлялись. Прямедские товарищи вызвали испуг у беспартийной части совета. Последние сразу же почувствовали, какую позицию займут представители рабочего факультета. В своих предположениях они не ошиблись. Революционное студенчество твердо держалось своей пролетарской линии и безусловно стало на сторону коммунистической части членов совета. И так мы видим, что постепенно рабочий факультет крепко становится на ноги и начинает играть далеко не последнюю роль в УГИ.

Характерным явлением в этом отношении является субботник первого мая, на котором студенчество рабфака, привывшее к солидарности и коммунистическому труду, сразу же взяло в руководство этим субботником.

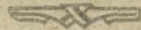
Всекие явления общественной и политической жизни находят отклик у студенчества рабочего факультета. Когда понадобились силы на западный фронт, рабочий факультет не только постановками и резолюциями выразил сочувствие Советской власти. Выделяются несколько товарищей, которые отправляются на Западный фронт. Не только военный но и трудовой фронт не остаются без активной помощи рабфаковцев. Встает вопрос о заготовке дров для УГИ. На студенческих сходках он широко дебатруется и наконец принимается постановление о необходимости вырубке дров своими силами. Оживленно и радостно отправляются командами студенты в лес на работу. Не менее оживленно идет работа в лесу. Несмотря на целый ряд хищений (отсутствие хорошей воды, недостаточность питания), студенты не унывали. Быстро выполнили они возложенную на них работу и возвратились к своим обычным занятиям.

Наступили летние каникулы. Студенты разъехались по домам, где также согласно постановления студенческой сходки, принимали участие в хозяйственной работе. Наступает август. Рабфаковцы начинают съезжаться. С новой энергией они берутся за занятия. Прежний опыт прошел не даром; с большим умением ведется и организационная работа. Начинается организация Урал-Университета. На рабфак также падает часть этой работы. УГИ и рабфак входят под единое правление Уральского Государственного Университета. В связи с этим рабфак начинает принимать новые организационные формы. Для проведения этих новых организационных форм требуется сильная рука, объединяющая студенчество. Для этого создается студревком, который вполне оправдывает возложенные на него задачи (подыскание постоянного здания, устройство общежития и прочее). Следующей фазой в организационном строительстве рабочего факультета явилась студсекция, избираемая обще-студенческим собранием один раз в семестр. Обязанности студсекции уже более широки. В ее задачи входит ведение культурно-просветительной работы, организационной работы, а также и социальное обслуживание студентов. Студсекция составляет, также, совместно с преподавателями, совет факультета, принимая таким образом самое активное участие в учебной области. На обязанности совета лежат также и выборы декана. Совет является непосредственным верховным органом факультета. Разматывая работу студсекции мы видим, что задачи ее первого состава вращались главным образом у организационных форм рабфака. Внутренней деловой работы велось не много. И тогда

второй, а в особенности третий состав студескии начали проводить эту работу в жизнь. Самодеятельность студентов принимает более широкие размеры. Культурно-просветительная работа разрабатывается. Особое внимание обращается на создание кружков, как на кузницы, обрабатывающие таланты пролетарского юношества. Помимо драматического, хорового и музыкального кружков, в данное время имеется литературно-художественный и общественно-исторический кружки. Эта лабораторная работа указывает на желание углублять и увеличивать свои знания. Расширяя работу, появилась и потребность отражать ее, выдвигать, демонстрировать. И естественным результатом явился журнал „Студент-Рабочий“, материал которого все увеличивается и увеличивается. Насколько окреп, разросся и вырос рабочий факультет ясно всякому студенту.

Обрисовать всю громадную работу проделанную студенчеством за год, а также подвести итоги учебной работы, не представляется возможным небольшой группе товарищей, взявших на себя этот труд.

Якимец А. Лав. Ф. Чудинов.

Наш долг.

Рабочий факультет: это новое название школы, которой до 1919 года не существовало. Одно это название говорит за себя, говорит за то, что в этой школе есть пролетариат, который при самодержавии не мог учиться в высшей школе. Октябрьская революция дала управление страной в руки советов. Рабочие и крестьяне, став у власти и управляя страной в чрезвычайных трудных условиях, все же нашли нужным открыть нашу школу и даже выделить из своих рядов нас рядовых рабочих и отправить учиться. Тем самым они ослабили свои трудовые ряды, но не считаясь ни о чем они дали нам все, что есть в их силах, надеясь, что мы будем помнить и осознавать наш долг перед посланными нас рабочими и крестьянами и оправдать их доверие, принеся пользу республике.

Как же мы должны относиться к учению на рабфаке? Мы, студенты рабфака, должны помнить, что нам дает власть трудового народа:—она облегчает нам труд в физическом отношении, так как мы перешли на умственный труд. Надо помнить, что многие из нас пришли сюда из армии, где жили в обстановке тяжелой боевой и окопной жизни. Наша жизнь сейчас по сравнению с жизнью армии, фабрики и крестьянина не тяжела,—по сравнению с ними мы отдыхаем. Некоторые же из нас еще не были ни в армии, ни в производстве,—они пришли в рабфак со школьной скамьи и не принесли еще никакой пользы трудовому народу. Они особенно должны помнить, что берут аванс у республики, который впоследствии должны вернуть сторицей. Нам обеспечили материально наравне с ударными группами рабочих. Нам дан преподавательский персонал, который обеспечен материально также лучше чем некоторые рабочие. Для кого же это сделано,—для нас:—мы должны впоследствии отработать этот аванс республике.

Чем же мы можем помочь в настоящее время республике? Правда, много помочь мы не можем, но все же некоторую пользу мы можем принести и сейчас,—связав наш долг не мажорировать занятными, досажать все без исключения людьми, стро-

го соблюдать учебную дисциплину, так как в армии и на заводе наши товарищи ее исполняют, как исполняли и мы, живя в их рядах. Мы должны исполнять все общественные работы, например — субботники вместе со всеми гражданами в свободное от занятий время. Ведь мы рабочие и крестьяне, а не белоручки, и потому не должны бояться никакой черной работы. Те же из нас, которые боятся всего этого, и не могут уделить часть свободного времени для общей работы на пользу республики, те должны ясно сознавать что они не более, не менее как маленькие паразиты на шее республики, которые стремятся урвать у советской власти все что могут. Это жалкие люди, так как они не умеют трудиться для блага всех трудящихся, всей республики. Скоро наступит осень и многие из нас будут уже в университете. Они сольются со студентами старого воспитания, со старыми буржуазными предрассудками и идеологией и вот тут то, в университете они не должны забывать, что их ждет производство. Они должны работать не покладая рук, они должны как можно скорей вернуться на фабрики поля и заводы, вернуться как окрепшие, опытные товарищи, только на время оторванные от работы.

Вперед же друзья к науке и знанию, скорей, к творческой производственной работе!

А. Берхтурев.

К годовщине 15-го марта 1921 г.

День пятнадцатого марта будем праздновать, друзья!

Год прошел со дня создания школы, нужной для труда.

Этот год прошел не даром: кое что узнали мы.

Честь создавшим эту школу, им спасибо за труды.

Мы пришли сюда учиться, — кто от пауга, от станка.

От винтовки и из шахты, — дети славного труда.

Будем знать, что мы не даром станем время проводить

И в стенах рабочей школы будем знания находить.

Было время: об учении мы не думали мечтать,

А теперь пришло другое — каждый может знание взять.

И на это есть причина — царский строй был на Руси,

А теперь советы всюду, не мешают палачи!

Палачам не нужно было бедный люд образовать,

Им бы только жать повсюду, да карманы набивать.

Власть народа трудового помни прежний свой удел,

Дала знания свободу, дает знания народу.

Мы, рабфаковцы, сегодня помним этот день,

День открытия Рабфака, детям фабрик деревень.

Храм науки создающим, поработавшим для нас.

Пролетарское спасибо,

Что исполним мы тотчас.

А. Берхтурев.

Студент-Рабочий.

Я правнук седого Урала,
Юный сын пролетарской семьи,
Жил в шахтах науку не зная —
Теперь студент на рабочей среде.

Хочу я учиться и верить!
Что наука для жизни дана —
Она учит студентов рабочих
Счастье ковать у горна.

Верю и в силу народа,
В могущество честных граждан,
В, поднявших упавшие свои
Трудами, рабочих, крестьян.

Хочу я учиться и верить,
Что близок торжественный час,
Что наука невежество сменит,
И вразумит трудящийся класс.

Верю я в счастье народов
И в силу науки — труда!
В долгожданную нами свободу —
Ее царству не будет конца!

Царь один мой — звезда!
Да Советский Серп-Молот! —
Три неравдельных лица.
Век их счастья и долог, —
Их не свергнет никто никогда!

Ф. Чудинков.

Год работы (из воспоминаний).

Прошел год интенсивной, творческой работы на рабфаке. Напряженный организационный труд ежедневно чувствовался, как в президиуме рабфака, так и в студсекции. Строители рабфака, как преподаватели, так и студенты буквально разрывались на части. Молодое пролетарское студенчество проявляло максимум энергии в общем ходе работ. Учебная жизнь почти из ничего зарождалась и чем дальше, тем более развертывалась. Идея создания рабочей школы объединяла всех и давала всем силы. И вот к отчетовому году мы имеем вполне оформившийся и отчасти уже окрепший рабфак. Препешие дни рабочих претворились в жизнь. Мы уже это осознали. Да здравствует храм науки рабочих!

Оглядываясь назад я хочу поделиться теми впечатлениями, которые яркими днями у меня запечатлелись. Я был зачислен в первую группу II-ой ступени. Это в конце марта. Ждем начала занятий. Каждый день справляемся когда и где мы встретимся. Но выясняется, что вот комсомолец, вот парт, вот комос, вот комсомолец

преподавателей. Это нас озадачивает. Что же делать? Делаем собрание первых групп ступени. У всех на лицах озабоченный вид. После небольшого обмена мнений решаем сами принять деятельное участие. В тот же день пошли наши гонимы по учреждениям, кто за помещением, кто за партами и т. д. Работа закипела. Надо было почувствовать, то непреодолимое стремление и желание рабочего-студента, раскрасневшагося и потного, докладывающего о положений дел. Через неделю нам дали здание, которое теперь занимает рабочий политехникум. Но и тут преграда. В этом здании стояла воинская часть, отчего мы получили здание с выбитыми окнами, поломанными дверями с целой системой пар. И плюс к этому, полная загазованность. Не дожидаясь никого мы устраиваем ряд субботников. Нашлись слесари, которые взялись исправлять замки, петлицы, двери, окна и т. д. Нашлись плотники, монтеры. Инструменты принесли с квартир. Субботники кипели. Домали нары, поправляли окна, двери, арматуру, на дворе починяли откуда то притащенные, поломанные парты. Другие усердно принялись за чистку помещений. Третьи шли в лес, несли метлы и т. д. Рабфак закладывался. Все были воодушевлены одним стремлением, одним желанием. В других группах повторилось тоже. Через месяц мы уже все учились полным ходом.

Вспоминаю одно собрание. Тов. Тачановский предлагает нам принять ряд пунктов по учебной дисциплине. Все настораживаются, внимательно выслушивают и после горячих и пылких речей товарищей, принимается резолюция о железной учебной дисциплине в группах. Вот как зарождалась наша рабфадовская жизнь.

Еще один момент. Утро, время около 8 часов. На Симоновскую спешат на занятия рабфаковцы. Класс заполнен. Приходит преподаватель. Пробило 8 часов. Староста группы запирает двери на замок. В аудитории началась умственная работа студентов. В окне мелькнули фигуры одного затем другого студента, но они уже не могут попасть в аудиторию. Они сами себя наказали. И попали в класс они только в перерыв. Так мы начинали учиться.

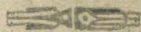
Вспоминается мне одна сходка У.Г.И. Мы, как студенты отдельного факультета У.Г.И. являемся на сходку. Студенты академисты с усмешкой и удивленно обращают на нас внимание. Сходка еще не начинается. Мы забираемся на задние парты. Какая-то барышня студентка удивленно обращается к нам: „Вы кто такие?“. Мы отвечаем, что мы студенты рабфака. На эти наши слова мы замечаем, что некоторые академисты сделали пренебрежительную мину. Барышня, как очевидно недовольная этим, бросает в нашу сторону: „Какие вы студенты“. Вместо ответа с нашей стороны одна из товарищей рабфаковцев предлагает студентке подвинуться и садиться рядом. Такие реплики мы слышали тогда часто, но это нас не смущало, — мы держали себя с достоинством. Один товарищ мне раз рассказывал, что им двоим как-то раз на сходке сказали: „Убирайтесь отсюда вон, Вам тут нечего делать“. Студенты болшодкладочники. У.Г.И. были возмущены появлением рабочих в институте. — Вот как мы, начали фигурировать на первых порах в массе студенчества У.Г.И.

Прошел год. Много изменилось. Надежды врагов рабочего класса неосуществились. Рабочие завоевали себе место в университете. И теперь рабфак начинает привлекать внимание университета. Рабфак с каждым днем развивается и крепнет. Да здравствует завоевание рабочего класса! Да здравствуют идейные труженники и вожаки Рабфака! Да здравствуют все преподаватели и студенты — рабфаковцы!

Воспоминание о первомайском субботнике.

Помнится раннее, солнечное утро. Небольшими группами, с разных концов города, подходят студенты в сборному пункту (физическая аудитория). Из открытых окон доносятся знакомые звуки Интернационала. Это группа-студентов рабочего факультета, под руководством тов. Бездерского, разучивала революционные песни. Серьезные лица студентов рабочих говорили за полное понимание настоящего дня и значения предстоящей работы. Пробыло 8 часов. Кто-то из руководителей субботника крикнул: „выходи, стройся!“ Через несколько минут все были на улице. Тов. Лоцилову и другим пришлось построить всех в ряды и принять на себя командование. Со стороны мецанско настроенных студ.-академ., по их адресу слышались некрасивые реплики, выражающие ненависть к чуждым и новым для них пришельцам в институт. Но это не смущало наших молодых, но уже закаленных в борьбе товарищей. Для них была ясна вся эта злоба белоручек и они были горды сознанием, что им в скором времени придется руководить всем институтом, а по окончании его быть руководителями и организаторами всей нашей промышленности. Наконец, с песнями трогаемся в путь. По дороге встречаются красноармейские части и другие организации со знаменами и музыкой. Приходим на Екатеринбург II-ой, делят нас по группам и мы принимаемся за работу. И в то время, как студенты рабфаковцы, воодушевленные сознанием, что они, работая здесь, творят обще-пролетарское дело, в то время как на их лицах сияла радостная бодрость свободного труда,—среди большинства академиков наблюдалась как раз обратное явление, там чувствовалась вялость и нежелание работать, старание всячески увильнуть,—и тут вновь с необычайной ясностью еще раз подчеркивался вопрос, кто в действительности разрушители и кто создатели. Работы кипела. Одни разгружали вагоны с дровами, другие скатывали и улаживали бревна. Дружными усилиями поднимаются и носятся тяжести, вырастают горы дров, кляксы сажениных бревен. Чувствуется необычайный подъем, необычайное желание приложить все свои силы на подвиге народного хозяйства.

Н. Рогожин

Годовая работа ячейки Р. К. С. М.

Подводя итоги работы нашей ячейки в годовщине рабфака я хочу указать как она организовалась и какую роль сыграла на рабфаке. Еще в июле месяце 1920 года между отдельными членами Р. К. С. М. возникал вопрос об организации ячейки на рабфаке. Но в связи с разными условиями жизни рабфака (рубка дров, отпуск) только в первых числах октября удалось выдвинуть тройку по организации ячейки.

10-го октября (в воскресенье) мы созывали I-ое общее организационное собрание. Собралось шесть человек, хотя зарегистрированных было уже около тридцати. Несмотря на малое количество собравшихся мы все таки выбираем первого президента ячейки и приступаем к работе.

Первую задачу, которую мы ставили перед собой—это организацию самой ячейки. Фактически она существовала на бумаге. Однако через неделю нам удалось

созвать II-ое общее собрание, на котором уже присутствует около 50 человек. Это нас немного ободрило и мы приступили к выработке плана работы.

Первым вопросом которым нам пришлось в то время заняться—это какие задачи должны ложиться на ячейку Р. К. С. М. на рабфаке. На этот вопрос президиум ячейки ответил: 1) политическое воспитание своих членов; 2) перевоспитание всей беспартийной массы молодежи в коммунистическом духе. Вот те две основные вехи, которые были нами намечены при самом начале организации ячейки.

После выработки плана мы уже переходили к определенной систематической работе среди своих членов в виде чтения лекций по азбуке коммунизма, еженедельных докладов по текущему моменту и бесед по юношескому движению.

Приходится отметить ту роль, которую сыграла ячейка Р. К. С. М. для всего рабфака. Я помню когда на втором или на третьем заседании президиума нашей ячейки выяснилось, что необходимо приступить к празднованию годовщины Октябрьской революции. И вот, когда не только рабфак, но и весь университет находится в периоде своего организационного строительства, когда обще-университетская ячейка Р. К. П. разбивается по институтам и ячейка Р. К. П. рабфака является еще только зародышем, мы берем на себя организацию празднования Октябрьской революции. И в течение какой-нибудь недели мы организовали митинг-концерт. Все члены поголовно были мобилизованы и каждому была поручена определенная работа для принятия участия в устройстве годовщины. Таким образом мы не дали и в этот день заснуть рабочему студенчеству, а выяснили ему в своих докладах значение Октябрьской революции и три года работы Советской власти. Кроме того нами в этот вечер был организован сбор в пользу западного фронта, который дал 25.000 р., кроме вещей, которых также было собрано не мало.

Главное нужно отметить, что ни на одном факультете Октябрьской революции не праздновалось и здесь ячейка Р. К. С. М. доказала насколько рабфак революционнее других факультетов.

Помню, когда наша ячейка впервые заговорила об организации разных кружков на рабфаке для того, чтобы беспартийная масса была бы организована и можно было бы среди них вести работу.

Помню еще, когда нами было внесено предложение на собрании ячейки Р. К. П. об организации журнала на рабфаке. Кроме того, ячейка Р. К. С. М. принимает самое горячее участие в организационном строительстве рабфака,—как только нужно было людей для выполнения той или иной работы, ячейка Р. К. С. М. по первой просьбе мобилизовала своих членов и отдавала для общей работы рабфака.

И так мы видим, что ячейка Р. К. С. М. была одним из первых организаторов политической и культурной жизни рабфака. Да здравствует организованная пролетарская молодежь в лице Р. К. С. М.

Мерман.

СТРАНИЧКА СКОРБИ.

Памяти тов. Тарасова.

Умер в цветущих, полных жизни, годах незабвенный наш тов. Тарасов—член Р. К. П. и студент медицинского института Урал-Университета.

Его жизнь не прошла безследно!—он оставил за собой след горячей и ответственной работы. Период грозных побед революционного пролетариата и крестьянства в октябре 1917 года втягивает его в революционную работу. Он, вскоре после революции, становится в ряды сознательных, ответственных борцов, в ряды членов Р. К. П., для того, чтобы своими знаниями, своей непреклонной волей и энергией помочь пролетариату в его борьбе. Он доказал это своей политической, революционной деятельностью в Красной 3-ей армии. Будучи ответственным политработником он ежедневно проявлял неутомимую деятельность на лекциях и митингах среди красноармейцев, которым наметал его звонкий, радостный голос, зовущий к борьбе и организованности. Не мало потрудился т. Тарасов и на рабфаке, куда он поступил весной 1920 года. Его заметная фигура, полная жизни, его голос призывали к борьбе с невежеством, темнотой, с проклятым наследием,—предразсудками буржуазного общества. Он всегда был впереди всех: субботник—он впереди, собрание—он председательствует. Он весь погружается в организационную работу рабфака,—его революционный энтузиазм зажигал и остальных товарищей, внося единение, бодрость и уверенность.

Его горячая энергия и неутомимость нашли свое место и среди студентов академистов. Он и там зовет всех примкнуть скорее к рабочему классу и помочь ему в его великой и трудной исторической работе строительства коммунистического общества.

Безжалостная смерть вырвала еще одного из активных работников пролетарского дела. В борьбе, в работе он заболел сыпным тифом и воспалением легких и его слабый, подточенный ответственной политической работой, организм не выдерживал прикоса и он умирает.

Дорогой наш тов. Тарасов скончался на 25 году жизни. Он крестьянин Нотельдического уезда Вятской губернии. 11 марта с. г. его тело было предано земле при скромной обстановке, без пышности, никто, как будто не слышал, что умер еще один неутомимый работник за светлое будущее рабочего класса и крестьянства, за идеал коммунизма.

Так сил же спойкойм спом, наш дорогой, вечно живой для нас, товарищ. Мы будем помнить, что ты умер на боевом посту фронта науки, подорванный непосильным трудом и твоё имя будет служить для нас призывным кличем к бодрости, к борьбе, заставит нас тесней сплотиться вокруг красного знамени рабочего класса и с новой силой, с новой энергией бороться за светлое будущее трудящихся масс!

С. Новожилев

Жар-Птица.

(отрывки из поэмы).

I.

Первый красный праздник.

Город. В улицах пестреют
 Войска и граждане миллионы,
 А над ними пламенеют
 Ярко красные знамена.

В красных флагах все алеет,
 Все дома цветут, как мак,
 У солдат на шапках рдеют,
 Словно розы,—звезды-знаки.

Ленты красные в петлицах,
 В шапках, в гривах конских вдеты...
 Песни, речи... а на лицах
 Всех улыбки, да приветы!

Живописные плакаты,
 Окаймленные в знамена,
 Лозунги пролетариата,
 Фрески, арки, павильоны.

Бюсты, статуи, портреты
 Всех вождей— друзей народа,
 Как изда здравствуют советы!
 И «да здравствует свобода!».

Тут текут процессии мимо,
 Там с трибуны речи льются,
 И по всей земле родимой
 Кличь вольные несутся.—

О любви, о мире, братстве,
 О стремленьи к лучшей доле,
 О позоре жизни в рабстве,
 О вольной вольной воле!

И нигде не слышно стоны
 Угнетенных и несчастных,
 Всюду красные знамена,
 Да напевы песен красных,

Смех да музыка... крадется
 В ум сомненье явь или грезы?
 От волненья сердце бьется,
 Взор туманит счастья слезы.

Русь моя! как это стало?
 Не вчера-ль, гремя цепями,
 На колени ты оставала
 Пред своими палачами?

Не вчера-ль тебя влечли
 На расстрел твои тираны?
 Не твои-ль кровоточили
 От шлетей жандармов рапы?
 Мракобесы не вчера-ли
 Тьмой, невежеством, туманом
 Твою душу окружали,
 Отравляли мысль дурманом?

Не вчера-ль еще слезою
 Наполнялися ресницы,
 И носился над тобою
 Грозный клевет страшной птицы?!
 Нине-ж... Радость светит ныне
 Над деревней, над столицей:
 Русь, вчерашняя рабыня,
 Стала вольною царицей!

От того и праздник красный
 И улыбки, и приветы!..
 Где-ж ты коршун наш ужасный,
 Где оред двухглавый, где ты?!

II.

Песня Жар-птицы.

В вышине—живое солнце;
 Вместо „коршуна“ летала
 Наша русебая жар-птица!
 Сказка птица былью стала!
 Птица воля прилетела,
 И собою все спалила,
 Что несчастную Россию
 Злой тиранией давило.

Пал во прах испепеленный
 Двухголовый враг могучий,
 Над Россией придушенной,
 Что носился грозной тучей,
 Солнце красное скрывая!
 Все погибли Черноморы,
 Палачи,—вся нечисть алая,
 И широкие просторы

С бесконечными путями,
 Солнцем залитые дали,
 Точно в сказке перед нами
 Развернулись, засверкали!

И запела вдохновенно
 Песню дивную жар-птица.
 Так звучал завет священный:
 „Здравствуй“ вольная парница!
 Здравствуй светлая Россия!
 Ты была бедна, убога,
 Ныне новым стать Мессией
 Призвана ты: на дорогу

Повести из тьмы кромешной
 Угнетенные народы
 В мир сияющий, безгрешный,
 В мир божественной свободы!

Но в тем далим лучеварным
 Ты пройдешь чрез испытанья,
 Обреченная на жертву,
 На великие страданья!

Мира темного все силы
 Твоего не примут света:
 Станут рыть тебе могилу,
 Но от них себе привета

Ждать не будешь, и бестрашно
 Им ответишь ты борьбою.
 Их проклятья громом страшным
 Разразятся над тобою!

И они, за то, что вольной
 Под ярмо не склонешь вый,
 Дикой ненавистью полны,
 Закричат: „смерть, смерть России!“

И в кольцо штыков стальное
 Закуют, измучат голодом,
 И прольется кровь рекою...
 Станет жизнь казаться адом...

Изнутри-ж наследье рабства—
 Темнота души, растленья
 И убогость мысли—вскроее
 В теле язвы разложенья,

Струнья гооинне... Усталый
 Дух спасет лишь воля—камень...
 На пролитой крови алой
 Загорятся красный пламень;

В этом пламени родятся
 Мои дочери, Жар-птицы,
 Вмиг по свету разлетятся,
 Засверкают как зарницы.

В мире мрака и тисненья:
И как только оперятся—
Широко раскинут крылья,
И как солнца, загорятся

Над измученной землей,
Ея тернии сжигая!
И тогда, перед тобою
Распахнутся двери рая...

Возрастут на почве дикой
Новых пророслей побеги,
В свете разума и мысли,
В теплоте любви и неги.

В дни весны, в пору цветенья
Цветом творчества, искусства,
В этих новых поколениях,
Зацветут умы и чувства,

И засветятся над миром
Гениальностью, талантом;
Будет твой „музык“ Шекспиром,
Новым Дарвином и Кантом!

Обратится в господина
Раб вчерашний: для работы
Он создаст рабу-машину:
И свободный от заботы

От борьбы за корку хлеба,
Тьмы физических усилий,—
Он тогда направит в небо
Лет своих духовных крылий:

К достижениям идеалов,
Красоты, добра и знания!
Силой мысли в мир проникнет
Тайн великих мироздания...

А развитие вереницы
Веков будет продолжаться,
Станут новые Жар-птицы
В новых веках нарождаться.

Запоют о новой, эре,
Где не будет власти бремя,
И когда откроет двери
В новый рай каждое время...

Так веди ж. призрев страдающа,
Угнетенные народы
В царство разума и знания,
Братства, равенства, свободы!

А Бедов.

ШАХТЕРЫ или (старое и новое).

Мы в шахте родились и выросли в ней,
Всю жизнь в ней трудились, кормили над ней.
Мы пылью питались, пили свой пот,
Сажей черной дышали по двенадцать часов:
Ручей едкой воды до костей нас мочил,
Испарился на нас и обратно спешил.
А жаркий забой нас угаром топил:
Как грешных в аду черт смолою палил.

Пошел двенадцатый час; мы к под'ему пошли.
Но ревматизм брал свое,—мы еле брели.
—Где же сила у нас? Кто ее взял?

Кругом тишина; нас никто не слышал.
А мысль в голове бродила у нас,—
Как рабыня в плену на свободу рвалась.
Сердце жалось в груди, выбивая слова:—
—Вы шахтеры, рабы! Защищайте себя!

Мы слушали мысли, внимали словам,
Негодую все шли к выходящим дверям.
Пришли. Постучались. Кругом одна тьма.
Нам снаружи кричали: „Вас не пустим сюда“.

С враждебным мы чувством ждали конца.
—Эх скорей бы на свет!,—злбно цела душа,
Пять минут не дошло нам до смены всего,
Штейгер штраф записал, улыбнувшись хитро.

А у нас в голове от улыбки его,
Точно рота солдат в наступление идет,—
В ушах свист и пальба, в голове, словно ад,
В сердце топот копыт, в душе ржанье коня.

Мы сами дверь отворили и в контору пошли,—
Мы правду искали, а кривду нашли.
Но мы не мирились с жестокой судьбой.—
Забастовки творили, страдали гурьбой.

Год за годом шли буржуазные годы,—
Мы свет увидели через красные врата.
Теперь двенадцать пробило и штраф отменен.
Мы как вновь все родились, как снова живем.

По шесть часов в шахте свободу куем
 Стремимся к под'ему учиться идем.
 Самы создали бога, нерасдельных трех ид,
 Обушек и лопату, да кайло среди них.
 Этот бог всемогущий—он нам пищу дает,
 Это наш бог шахтерский—нам он счастье кует.
 Это горный наш герб,—просто веселье,
 С ним камугель—наше спасенье.
 Под лозунгом новым мы снова живем,
 Идем в шахте свободу, войну с ней ведем.
 Вонзаём ей в тело стальной обушек,
 Куски вырываем и кормим завод.
 Мы из старых лесов достаем углерод
 Мы возим груза и согреваем народ.
 Мы шахтеры борцы—миллионам людей
 Помогаем в борьбе, ради светлых идей.
 Мы воюем за правду с угрюмой горой,
 Стремимся к науке и к коммуне святой!

Ф. Чудинов

Редактор Редакционная Коллегия в составе:

Ответственного редактора А. Элькевского

И. Рогожина и А. Хирнова.

Р. В. Ц

Издатель: Студенция Рабочего Факультета Уральского Государственного Университета.

